

**«ЧЕЛОВЕК СМИРЕННЫЙ»:
О ПОЭТИКЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЯ Ф. ТЮТЧЕВА**

*Веленью Божию, о Муза, будь послушна... Вот такую высоту задал Пушкин русским музам, вот такую работу духа! Этой высотой отныне определяется причастность поэта к большой поэзии. Весь путь Ф. Тютчева, человека и поэта, человека необыкновенного ума и образованности, с пронзительным поэтическим даром – это путь чуткого прислушивания к велению Божию: о себе, о России, о назначении человека вообще и творца, в частности. По силе прозрения этого «веленья Божия» Тютчев не раз поднимался до высот Пушкина, до высот пророков. Недаром в тех главных стихах, по которым мы знаем этого поэта, вся мудрость жизни, вся разгадка тайны и смысла бытия уложены, как правило, в одну-две строки, которые, собственно, мы помним и повторяем: ...*В разлуке есть высокое значенье... Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется... О, как убийственно мы любим!... Мысль изреченная есть ложь... Умом Россию не понять... Не плоть, а дух растлился в наши дни...**

Каждая из этих строк концентрирует в себе энергию целого стихотворения, силу и глубину пророческого дара поэта; с ними мы проживаем разные периоды нашей жизни – от «люблю грозу в начале мая» до «я встретил вас»... И, видимо, недаром называют Тютчева поэтом-пророком и мыслителем, а его лирику – философией¹, если и всю глубочайшую философию о человеке он сумел уложить в одну строку, как бы заранее споря с будущим пролетарским писателем, громогласно возгласившим на весь XX век: «Человек – это звучит гордо!»... Велик и труден путь Тютчева к его, напротив, тихой строке; много потерь, много скорбей пришлось пережить ему на этом пути, чтобы выстрадать простую и высокую истину: **«Человек – это звучит смирено!»**

¹ «Лирика Тютчева, построенная на нескольких родственных мыслях и потому представляющаяся как бы его философией – вот хороший пример тех результатов, к которым привела работа Любомудров» [см.: Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. – М., 2001. – С. 83].

Какие вопросы волновали поэта на пути к его «открытию», какие сомнения терзали его душу, какие мысли не давали покоя? Думается, они знакомы каждому мыслящему человеку, который хочет понять: грешный он или праведный? что надобно ему для счастья? что значит любить, и как надо любить? как окормлять ему свою душу? Не находя ответов на эти вопросы в своей смятенной душе, Тютчев задает их природе – ближайшей поверенной в мире «таинственно-волшебных дум»:

*О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно? ...
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке –
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки! ...*

И не только в ветре – в каждом знаке природы, каждом ее явлении поэт находит живую душу, способную откликнуться на его боль, на непонятную муку сердца, на немой вопрос:

*Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь слепую струю? ...
Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет
И смеется над тобой! ...*

И струя, и ива, и жаворонок – они все одушевлены, все становятся участниками таинственного внутреннего диалога:

*Вечер мгlistый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?...
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?...
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час,
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!...*

Постепенно из соучастника романтических неистовств и душевной смуты – в жажде слиться с беспредельным! – природа превращается в тихого утешителя, мудреца и смиренника с ясной душой; в ее поэзии Тютчев находит тот образец гармонии, равновесия и любви к «всяк входящему», которого так не хватает хаосу романтической души:

*Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!...*

*Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музыки дальней слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит...*

Природа становится исповедальней поэта – ей он исповедует в неясном, невыразимом, смутном, несказуемом – и знает, что она поймет его своим материнским сердцем:

*Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать – земля!
Духов бесплотных сладострастья!
Твой верный сын, не жажду я!
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, золотые сны?...*

*Весь день, в бездействии глубоком,
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить;
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели
Или на светлую мечту...*

***

*Тени сизые смешались
Цвет поблекнул, звук уснул –
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!...
Все во мне, и я во всем!...*

*Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства – мглой самозабвенья
Переполни через край!...
**Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!***

Приняв исповедь поэта, природа словно добрый пастырь-наставник, ведет его за собой от «тоски невыразимой» к тайникам откровения: «*Дай вкусить уничтоженья!*»! Как нам понять поэта-провидца, как услышать и постичь его мольбу? И почему этого «уничтоженья» просит Тютчев как награды, как благодати?

Поэт уже понял, какое зло носит человек в самом себе, и зло это – гордыня. (Помните все того же Горького? «Человек – это зву-

чит гордо»?). Гордый человек Тютчева уже знает о своей болезни и ищет исцеления: учится у природы «растворению» («*все во мне, и я во всем!*»), тишине и покою:

*Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши!*

А еще учится любви: ведь что это за чувства, которые доводят до самозабвения? – А это любовь, только она может заставить нас **з а б ы т ь** себя, чтобы помнить о ближних наших! Ну чем не «учебник философии»? Двустигшие – лекарство от неприкаянности, от «тоски невыразимой», от любви к себе, целая наука о человеке – познай себя, узнай правду о самом себе, и воскликнешь, и прострешь руки в мольбе: «Дай вкусить уничтоженья, с миром дремлющим смешай!» – теперь получило новую интерпретацию: «**Усмири мою гордыню! Дай познать любовь!**» Вот так, через «сумрак зыбкий», «сумрак сонный», через мглу неясных ощущений природа вела поэта к великому откровению Любви и Смирения, к ясному свету – от ненастья уныния:

*Когда в кругу убийственных забот
Нам все мерзит – и жизнь, как камней гряда,
Лежит на нас, – вдруг, знает Бог откуда,
Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.
Так иногда, осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее доли,
Вдруг ветер подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...*

Еще одно откровение дарит природа поэту: исцелять и утешать она учится у их общего Создателя; она умеет обвеять весной средь

поздней осени, как Бог умеет дохнуть на душу отрадным и приподнять груз страшных, убийственных забот; а главное, она знает (как знает Бог!), откуда на это берутся силы и благодать? А поэт – знает ли силу благодати?.. Во всяком случае, *жаждет* сошествия ее на свою душу, и знает, что есть один путь к ней – через *очищение* души от греха:

*Не знаю я, коснется ль благодать / Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и воздаться, / Пройдет ли обморок духовный?*

Но чтобы дойти к свету – «из ночной тени» – прежде всего надо усмирить в себе ропот и бунт, напоить иссушенную безверием душу влагой прощения, просьбы – смиренной ектении:

*Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует ...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит ...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры – но о ней не просит.
Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!»*

И жаждет веры, но о ней не просит. Тютчев сердцем чувствует глубинную правду: человек на краю погибели оттого, что не умеет самого малого – *просить*; оттого и несчастлив, оттого и скорбит, и «невыносимое днесь выносит», что не умеет, с молитвой и слезой, попросить о помощи: «Помоги, Господи! Паче всех человек окаянен есмь»... И отступит тогда погибель гордыни, и затеплится сердце лаской – ведь только умеющий просить (а не требовать) умеет и сам помочь, а умеющий терпеть и смиряться имеет внутри силу неодолимую, и только знающий горечь унижения может возвысить других. И такие богат-

ства духа родятся в земле равнинной, согбенной, неказистой²; именно она, скудная красками, невысокая ростом, русская мать-земля озарила Ф. Тютчева высокой Божьей правдой:

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный
Что сквозит и тайно светит
В нагоде твоей смиренной.
Удрученный нашей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.*

И еще один трудный, жестокий урок смирения и покаяния получил поэт от жизни, чтобы узнать всю правду о себе. Это урок беззаветной, безмерной, жертвенной женской любви (не подвластной даже смерти), которой наградила и наказала его одновременно судьба. И опять природа приходит на помощь, извлекая из своих духовных запасников сокровища благодатной любви-утешения. Она дарит их людям как не-навязчивый пример нежности друг к другу:

*В часы, когда бывает / Так тяжело на груди,
И сердце изнаывает, / И тьма лишь впереди;
Без сил и без движенья / Мы так удручены,
Что даже утешенья / Друзей нам не смешны, –
Вдруг солнца луч приветный / Войдет украдкой к нам*

---

² Вспомним, как другой русский писатель, И. А. Гончаров, писал о любезной его сердцу равнинной стороне, одушевленной природе Обломовки: «Небо там, кажется, ... ближе жметя к земле, но не с тем, чтобы метать сильнее стрелы, а разве только чтоб *обнять ее покрепче, с любовью*: оно распростерлось так невысоко над головой, как родительская надежная кровля, чтоб *уберечь*, кажется, избранный уголок от всяких невзгод».

И брызнет огнецветной / Струею по стенам:
И с тверди благосклонной, / С лазуревых высот
Вдруг воздух благовонный / В окно на нас пахнет...

Уроков и советов / Они нам не несут,
И от судьбы наветов / Они нас не спасут
Но *силу* их мы чуем, / Их слышим *благодать*
И меньше мы тоскуем, / И легче нам дышать...
Так *мило-благодатна*, / Воздушна и светла,
Душе моей стократно / *Любовь* твоя была.

Но не так легко откликнуться на любовь гордому сердцу – горе тому, у кого внутри все выжжено демонским испепеляющим огнем неудовлетворенной гордыни, – тот не способен полюбить других (и этим сделать счастливым себя). Недаром у Пушкина все гордецы – убийцы (Онегин, Алеко, Дон-Жуан), и лермонтовские Печорин, Арбенин – убийцы.

Гордыня – символ смерти, и изнутри, и снаружи.

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я –
Я на тебя гляжу с *досадою ревливой*.
И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, *без веры* я стою –
И самого себя, краснея, сознаю
Живой души твоей *безжизненным кумиром*.

Видимо, и о своей холодной, горделивой душе сожалеет Тютчев. Но самоотверженная любовь женщины, принесшей себя в жертву его гордыне, страдавшей и не отрекавшейся, наконец, ценой собственной жизни заплатившей за спасение души любимого – за те капли любви и смирения, которые засверкали на его сердце, – эта жертвенная любовь растеплила холод остывшего пепелища, оживила его горячей волной страдания:

О Господи, дай жгучего страданья,
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, –
По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе, –
По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

И далее еще большее:

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.
И вот уж год, без жалоб, без упреку,
Утратив все, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку
Как буду одинок в своем гробу.

Из этого «жгучего страдания» рождается постепенно тихое смирение и обвевающее душу ласковое *утешение*:

Завтра день молитвы и печали
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Да, это она, сама способная к «самозабвению», научила и его чувствовать радость растворения в другом человеке (и освобождения от гнета своего самостного Я), подарила восторг и ликование от счастья принадлежать не себе, а другому, сладость благодарного умиления: «*Слава Богу, я с тобою!*»:

Пламя рдеет, пламя пышет, / Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит / Из-за речки темный сад.
Сумрак тут, там жар и крики, / Я брожу как бы во сне, –
Лишь одно я живо чувю: / *Ты со мной и вся во мне.*
Треск за треском, дым за дымом, / Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом / Листья веют и шуршат.
Я дыханьем их обвеян, / Страстный говор твой ловлю...
Слава Богу, я с тобою, / А с тобой мне – как в раю.

Это она утишила его ропщущую и бунтующую душу благостью
мира «в груди», покоя в природе, дремотою легкого касания вечности:

Так, в жизни есть мгновенья –
Их трудно передать.
Они самозабвения
Земного благодать.
Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Все пошлое и ложное
Ушло так далеко,
Все мило-невозможное
Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я –
О время, погоди!

Вот оно, счастье! Любоваться, восхищаться каждым живым мгновением Богом дарованной жизни, благословлять все, что уместилось в этом мгновении, и желать остановить его, чтобы прикоснуться к Вечности – «О время, погоди!»

* * *

Вместо выводов. Такие тайники Жизни и сокровищницы Божьей благодати открыли Федору Ивановичу Тютчеву природа, любовь

женщины и «риза чистая Христа». В единении с ними поэт познает откровения духовной жизни. Они приходят к нему через узрение духовных недугов, которыми болен человек, и поиск путей излечения их – с тем, чтобы вкусить мир души и ощутить целостность Бытия.

Вчитаемся еще раз в стихотворение «Наш век». Что это, как не выражение в лаконичной поэтической форме идеи **спасения**?.. Идеи, подкрепленной глубоким анализом причин и следствий гибели: *растление духа, тоска, ропот и бунт, безверие, невыносимые душевные муки...*

Как просты и как трудны, а подчас и непреодолимы для гордого человека пути спасения: *смирненная просьба, молитва, слеза* (раскаяние), наконец, *вера!*.. Вся мудрость тут, вся «философия» – и как проста для понимания и ясна в выражении! Тютчев знает, как нелегок путь к Возрождению, как велика борьба между смирением и гордостью, между плотью и духом, между временем и Вечностью, но он любит человека и верит в способности его души:

О вещая душа моя! / О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия!
Так, ты – жилища двух миров, / Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески неясный, / Как откровение духов...
Пусть страдальческую грудь / Волнуют страсти роковые –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть!

Пилипенко Н. «Человек смиренный»: о поэтике мирозерцания Ф. Тютчева. Принципы художественного сознания Ф. Тютчева рассмотрены с позиций христианской антропологии через основные её концепты – Любовь, смирение, душа, а также сравнение с романтической семантикой гордого человека.

Ключевые слова: поэзия, природа, смирение, Любовь, страдание, молитва.

Пилипенко Н. «Людина смиренна»: про поетику світобачення Ф. Тютчева. Принципи художньої свідомості Ф. Тютчева розглянуто з позицій християнської антропології через основні її концепти – Любов, смирення, душа; проводиться порівняння з романтичною семантикою гордої людини.

Ключові слова: поезія, природа, покора, Любов, страждання, молитва.

Pilipenko N. «A humble man»: the poetic world-view of F.Tyutchev. The principles of artistic consciousness by F. Tyutchev are analyzed from positions of Christian anthropology through its main concepts – Love, Humility, Soul; the comparison with romantic semantics with the Man proud of himself is carried out.

Key words: poetics, nature, humility, Love, sufferings, prayer.

УДК 78.01:[78.071.1:78.087.68](44)«19»

Анна Сорокотягина

**О ПРИНЦИПАХ ВОПЛОЩЕНИЯ ПОЭЗИИ Г. АПОЛЛИНЕРА
И П. ЭЛЮАРА В ХОРОВОМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф. ПУЛЕНКА
(на примере «Семи песен» для смешанного хора *a cappella*)**

Камерно-вокальная и вокально-хоровая музыка в творчестве Франсиса Пуленка занимает значительное место: им созданы свыше 100 песен и около 16 хоровых сочинений. Вместе с тем данные жанры не получили достаточного освещения в отечественном музыкознании до недавнего времени. За последние годы эта «лакуна» стала постепенно заполняться. Отметим появление фундаментального диссертационного исследования и целого ряда статей О. Михайловой, посвященных анализу камерно-вокальной лирики композитора [2]. Хоровое творчество пока продолжает оставаться «в тени»: в массиве научной литературы хоровые сочинения зачастую лишь упоминается хронологии творчества Пуленка. Исследователи, как правило, более детально рассматривают лишь некоторые из них, в частности, кантаты «Лик человеческий» и «Засуха» [1, 5].

Данная статья будет посвящена «*Семи песням*» для смешанного хора *a cappella*. Ее цель – обозначить основные принципы воплощения поэзии Элюара и Аполлинера в хоровой музыке Пуленка.

Как отмечают исследователи, 30–40-е годы – время активизации творческого поиска композитора, связанное с обращением к поэзии и поэтическому слову сюрреализма, его сложно-замысловатому образному миру. Пути, приведшие Пуленка к творчеству поэтов сюрреалистического течения – Аполлинеру, Элюару, имеют свои отличия. Обращение к поэзии Гийома Аполлинера проходило на ранней стадии